

ВООБРАЖАЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ОПЫТ ДРУГОГО

А. В. МАХЛАЮК, К. В. МАРКОВ

ЭЛЕМЕНТЫ ТРАВЕЛОГА В НАРРАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ «РИМСКОЙ ИСТОРИИ» КАССИЯ ДИОНА*

В статье рассмотрены автобиографические фрагменты и этногеографические экскурсы, которые могут быть охарактеризованы как «персональная география» историка или своего рода травелог – заметки, описания и сведения, основанные на личном посещении тех или иных мест. Соответствующие пассажи «Римской истории» еще не становились предметом специального анализа как значимая особенность дионовского повествовательного стиля наряду с пристрастием к чудесам, анекдотам и отступлениям новеллистического характера. Там, где это возможно, в связи с общим контекстом повествования или даже вне зависимости от него, Дион не упускает случая не просто указать на свое знакомство с той или иной местностью, но и особо подчеркнуть авторитетность своего знания, основанного на личном опыте.

Ключевые слова: *Кассий Дион, «Римская история», греко-римская историография, нарратив, травелог, имперское пространство, автопсия*

Луция Клавдия Кассия Диона, автора объемной «Римской истории», можно назвать рефлексирующим историком. На страницах своего труда он, подобно Полибию¹, неоднократно обращается к размышлениям о сложностях составления истории, довольно подробно рассказывает о том, как обратился к историческим штудиям и работал над своим сочинением. Дион, очевидно, разделял точку зрения Полибия, который подчеркивал: «...история тогда будет хороша, когда за составление исторических сочинений будут браться государственные деятели и будут работать не мимоходом... но с твердым убеждением в величайшей настоятельности и важности своего начинания... отдадутся ему всею душою до конца дней, или же когда люди, принимающиеся за составление истории, считают обязательным подготовить себя жизненным опытом...» (Polyb. XII.28a.3–5. Пер. Ф.Г. Мищенко). Биография Диона, известная по его труду и эпиграфическим источникам², не оставляет со-

* Публикация подготовлена в рамках НИР Н-405-99 «Viatores, vagantes, hostes: практики и образы странствий в высоких культурах Средиземноморья», реализуемой ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

¹ Полибий, вероятно, был одним из его источников. См.: Foulon 2016.

² Комментированный перевод автобиографических фрагментов «Римской истории» см.: Махлаюк, Марков 2008. О карьере и творческой биографии Диона см.: Марков 2008; Махлаюк 2015; Millar 1964. P. 5–27; Hose 2007; Markov 2016; Molin 2016 (с суммированием всего известного на данный момент материала). Об автобиографическом элементе в труде Диона: Freyburger-Galland 2009; Scott 2018.

мнений в том, что он обладал и значительным политическим опытом, и убеждением в важности своего исторического труда, и готовностью приложить все возможные усилия, чтобы преодолеть трудности, возникающие на пути историка. В одном из наиболее пространных «методологических» отступлений³ в 19-й главе ЛШ книги Дион обращает внимание на сложности в получении полной достоверной информации, с которыми после установления в Риме единовластия сталкивался историк, желающий осветить события во всей Римской державе. Эти сложности обусловлены, по его мнению, во-первых, тем, что «очень многое стало совершаться в тайне и без огласки» и «всё говорится и делается по воле и желанию властителей и их приспешников», а во-вторых, тем, что «обширность Империи и обилие событий создают огромные трудности для их точного освещения». Выход из такой ситуации он видит в том, чтобы излагать события «в соответствии с имеющимися сведениями, так ли это произошло на самом деле, или же как-то иначе», используя при этом не только письменные источники, но и информацию, полученную благодаря собственным наблюдениям (ЛШ.19.3–6)⁴.

Здесь, помимо препятствий политического характера, принципиально значимо указание на обширность римского мира, который непросто охватить в едином рассказе, одинаково подробно осветив его разные части. По мысли Диона, помочь ему должна характерная для античной историографии в целом установка на автопсию – знания, полученные самим историком как наблюдателем и очевидцем описываемых событий⁵. И римский историк на протяжении всего своего труда там, где это возможно (в первую очередь в книгах, посвященных современной истории от Коммода до Александра Севера⁶), стремится следовать указанному (вполне полибиевскому) подходу к получению необходимых сведений, в т.ч. относящихся к географическим реалиям и характеристикам того имперского пространства, на котором разворачиваются события описываемой им истории. И если этногеографические экскурсы и отдельные пространственные представления Диона, включенные в нарративную структуру его «Истории», уже становились предметом специального рассмотрения⁷ (как и другие нарратологические характеристики его труда, которые в последнее время изучаются весьма интенсивно⁸),

³ Анализ этой главы см.: Gabba 1955. P. 325–330; Millar 1964. P. 37–38; Manuwald 1979. S. 94, 105–106; Rich 1990. P. 168; Hose 1994. S. 447.

⁴ Перевод цитат из труда Диона принадлежит авторам.

⁵ Ср. выразительные суждения Полибия на этот счет в XII.27–28. Об автопсии в традициях античного историописания в целом см.: Marincola 1997. P. 63–86.

⁶ См.: Bering-Staschewski 1981; Schmidt 1997; 1999; 2000; Scott 2018.

⁷ Freyburger-Galland 2003; Pitcher 2012 и особенно Bertrand 2016.

⁸ В свете недавних исследований нарративная структура «Римской истории» предстает как сложное целое, в котором переплетаются разные субжанровые пласты

то наблюдения и суждения Диона, основанные на личном знакомстве с теми местами, где ему самому довелось побывать, пока не привлекали внимания исследователей, хотя эти элементы, близкие по своему характеру к травелогу, могут пролить свет на особенности индивидуального стиля, методов работы, авторской нарративной личности и на определение места Дионова труда в традициях греко-римского историописания.

Соответствующие фрагменты сочинения Диона, как представляется, могут быть отнесены к травелогу – жанровой категории, которая всё более активно внедряется в литературоведческие исследования и трактуется иногда в расширительном смысле, не только как собственно описание путешествий (реальных или вымышленных), «занимательный художественный ландшафтно-исторический экскурс»⁹, но прежде всего как текст, нацеленный на описание пространства, на фиксацию внешнего¹⁰; причем это всегда рассказ от первого лица, «я-повествование»¹¹, «стремление к достоверному изображению “чужого” мира, пропущенного через восприятие путешественника»¹².

**Ἡ πατρίς μου: покинуть отечество, чтобы обрести
новую родину и вернуться**

Всякое путешествие означает расставание с родными местами, которое может оказаться долгим или даже безвозвратным и повлечь за собой обретение нового отечества. Биография Кассия Диона в этом отношении уникальна. Родившись в семье сенатора М. Клавдия Кассия Априониана в 162 или 163 г. н.э. в греческом городе Никея¹³, он покинул его уже в ранней юности для продолжения образования¹⁴, а в 179–180 гг. отправился сопровождать своего отца, занявшего пост наместника провинции Ликия-Памфилия (LXXII.7.2), после чего оказался в Риме, где стал посещать заседания сената. Именно Никею Дион неоднократно упоминает как свою родину (ἡ πατρίς μου)¹⁵. Туда же он и удалился (под

(анналистический и биографический, мемуаристический и новеллистический), повествовательные приемы и модусы: Pelling 1997; Hidber 2004; Махлаюк 2009; Kemezis 2014; Scott 2018. См. также работы J. Rich, M. Coudry, E. Bertrand, V. Fromentin, O. Devillers и др. в коллективном труде: Cassius Dion 2016 (раздел “Les forms de la narration historique”); о содержании этого раздела: Makhlaiuk 2017.

⁹ Милогина, Строганов 2013. С. 27.

¹⁰ Шпак 2016. С. 265. Обсуждение истории возникновения, жанровых признаков и вариаций травелога см.: Никитина, Тулякова 2013; Майга 2014; Русаков, Русакова 2014; Мартынюк 2017; Мартынюк, Лукинова 2017; Аксенова 2018.

¹¹ Никитина, Тулякова 2013.

¹² Майга 2014. С. 258.

¹³ О Никее в римскую эпоху см.: Guinea Diaz 1997. О вифинских корнях и связях Диона см.: Ameling 1984.

¹⁴ Вероятно, в одном или нескольких малоазийских центрах, вроде Смирны или Эфеса, где преподавали прославленные риторы и софисты. Ср. Millar 1964. P. 14.

¹⁵ LXXIV.11.2; LXXVI(LXXV).15.3; LXXX.1.3. М. Хозе, исходя из того, что семья Априониана в 160-е гг. могла находиться вместе с ним в Риме, допускает, что буду-

предлогом болезни) в 229 г., чтобы продолжить свой труд и провести остаток дней на родине (LXXX.5.1–2). В упоминаниях о своем происхождении и месте рождения нет ничего необычного для античной историографии: они имеются у многих (если не большинства) древних историков, от Гекатея, Геродота, и Фукидида до Дионисия Галикарнасского, Иосифа Флавия, Аппиана, Арриана и Аммиана Марцеллина¹⁶. Но Диона отличает намеренное включение в общую ткань повествования материала и отдельных замечаний, свидетельствующих о его привязанности к отечеству и о хорошем знании родных мест.

Став сенатором и пройдя соответствующие ступени *cursus honorum*, войдя в императорский совет (*consilium principis*) как один из «друзей» (*amici*) императоров, Дион имел возможность в этом качестве посещать родные места, о чем свидетельствуют некоторые его пассажи. Так, описывая возвращение Септимия Севера в 200 г. из похода в Парфию, он рассказывает об одном эпизоде, имевшем место в Никее, и не упускает случая показать свое знание местных реалий: «...когда однажды в Никее, моем родном городе, императору захотелось кефали, которая вырастает в местном озере до больших размеров, он послал за ней к Плавциану¹⁷» (LXXVI[LXXV].15.3). Вероятно, к тому же пребыванию Севера в восточных провинциях относится и другой эпизод, о котором Дион повествует как очевидец: «В те дни происходило атлетическое состязание, на которое в принудительном порядке явилось столько атлетов, что мы удивлялись тому, как стадион смог их вместить. В этом состязании участвовали и женщины, которые сражались друг с другом столь жестоким образом, что это дало повод для насмешек и в адрес других, весьма высокопоставленных женщин» (LXXVI[LXXV].16.1).

Находясь при дворе Каракаллы в Никомедии зимой 214/215 г. (LXXIX[LXXVIII].8.4), Дион вполне мог побывать в родном городе, где, скорее всего, имел земельные владения и, подобно многим сенаторам греческого происхождения выполнял общественные обязанности¹⁸. Не случайно в 218/219 г. император Макрин именно его назначил в Смирну, Пергам и другие города провинции Азия на должность *curator ad corrigendum statum civitatum* – особого чиновника по наведению порядка в важных городах (LXXX[LXXIX].7.4). Очевидно, новый император при этом назначении учитывал связи Диона с данным регионом и прилегающими областями, такими, как Киликия, где он побывал еще в молодости (его отец был пропреторским легатом этой провинции в 183 г.: LXXIII[LXXII].7.2; ср. LXIX.1.3), или Азия, где он мог начинать свою

щий историк родился не в Вифинии, а в столице Империи (Hose 1994. S. 359–360). Однако никаких убедительных оснований принять это предположение нет.

¹⁶ Marincola 1997. P. 272–274 (с указанием также исключений из этой традиции).

¹⁷ Гай Фульвий Плавциан – префект претория в правление Септимия Севера.

¹⁸ Millar 1964. P. 20 f.; 23.

сенаторскую карьеру в должности военного трибуна или квестора¹⁹. Этот опыт личного знакомства с географией и достопримечательностями восточных провинций отразился на страницах «Римской истории».

Примечательно, однако, что ни о Вифинии, ни о Никее Дион нигде не говорит как о греческом регионе и греческом городе и, как историк, отождествляет себя с Римом, с его историей и традициями²⁰. Есть основания утверждать, что Рим и Италия стали для него настоящей второй родиной, к которой он был, возможно, привязан не менее, чем к первой²¹. Как сенатор, он значительную часть жизни провел в Риме и был хорошо знаком с его городским ландшафтом и топографией, памятниками и постройками, о которых упоминает значительно чаще других историков, в частности, Ливия и Тацита, хотя и не испытывает столь же эмоциональной привязанности к Вечному Городу²². Но одно дело Рим, который был в глазах Диона столицей мира и космополисом, городом (*ἄστυ*), доминировавшим над сельской округой (хорой) в полисе, которому он уподобляет Римскую империю (ЛП.19.6)²³, и совсем другое – Италия, и в первую очередь любимая кампанская вилла Диона²⁴. Именно Италию он называет «той самой страной, которую мы населяем» (Fr. I.3), а о своей вилле под Капуей, в которой живет всякий раз, когда находится в Италии, пишет: «Я выбрал это место по разным причинам, но более всего из-за его спокойствия, чтобы, отдыхая от городских дел, писать сей труд» (LXXVI.2.1). Сюда же, на свою виллу, он направился в 229 г., когда стал во второй раз консулом (*consul ordinarius iterum*), причем вместе с императором Александром Севером, который разрешил ему отправлять должность не в Риме, поскольку преторианцы были враждебно настроены к Диону из-за проявленной им дисциплинарной строгости в бытность его наместником Паннонии (LXXX.4.2; 5.1–2).

Действительно, Капую и Кампанию в целом Дион знает очень хорошо и не упускает случая поделиться интересными подробностями, преподнося их вполне в духе путевых заметок, посвященных местным

¹⁹ Кроме того, он, возможно, был, как и его отец, легатом пропреторского ранга в Ликии и Памфилии в 197–198 гг. (ср. рескрипт Севера наместнику по имени Дион в Dig. 50.12.7). См.: Millar 1964. P. 15; Molin 2016. P. 438–439.

²⁰ Millar 1964. P. 190; Aalders 1986. P. 283. Однако вопрос о культурной идентичности Диона продолжает дебатироваться: Freyburger-Galland 2013; Burden-Strevens 2015.

²¹ Millar 1964. P. 10.

²² Gowing 2016. P. 117–118 и далее с подробным анализом восприятия и репрезентации Дионом римских городских реалий в сравнении с другими римскими историками. А. Гоунинг не соглашается с Ф. Милларом в том, что Дион был столь же привязан к Риму, как и к Никее (Gowing 2016. P. 135).

²³ De Blois 1999. P. 270, n. 8.

²⁴ Как и другие сенаторы, происходившие из провинций, Дион должен был иметь недвижимость в Италии, а также, согласно действующим нормам, двойное местожительство (*domicilium*) – в Риме и у себя на родине (Dig. 1.9.11).

достопримечательностям и историям. Так, он упоминает, что Октавиан взамен купленной для поселения ветеранов земли построил для капуанцев акведук (Aqua Iulia), которым они чрезвычайно гордятся, а также передал им земли Кносса (на Крите), «которыми они и в настоящее время пользуются» (XLIX.14.5). Историк подробно описывает окрестности Кум в Кампании, в т.ч. нимфей Калипсо на берегу Авернского озера и постройки Агриппы в Байях, которые, по его словам, видел собственными глазами (XLVIII.50–51). По поводу этого святилища он замечает: «В то время как производились эти работы, одна статуя, обращенная к Авернскому озеру, – то ли статуя Калипсо, которой посвящено это место, куда, как говорят, приплыл Одиссей, то ли какой-то другой героини – покрылась потом, как человеческое тело. Что это означало, я не могу сказать; однако расскажу обо всем заслуживающем внимания, что я наблюдал в этом месте» (XLVIII.50.4). Рассказывая же о построенных Агриппой банях, он сообщает о горячих источниках, в которых огонь смешивается с водой, и горячая вода направляется в особый резервуар, откуда по трубам пар поступает в бани. Вполне вероятно, что, находясь на своей вилле, Дион стал свидетелем извержения Везувия в 202 г. (LXXVIII[LXXVI].2.1)²⁵, что стимулировало его интерес к вулканическим феноменам и позволило представить яркое описание знаменитого извержения, погубившего Помпеи (LXVI.21.1–22.1)²⁶.

Две родины, вифинская Никея и Италия, разделенные немалым расстоянием, существенно обогатили знания Диона о пространствах империи. Его «персональная география» еще больше расширилась благодаря государственной службе, во время которой он смог ближе узнать балканские и западные провинции, а замысел написать всеохватывающую римскую историю предполагал освоение географии «утилитарной»²⁷, нацеленной главным образом на насыщение нарратива информацией, важной для понимания исторических событий.

Сенатор, путешествующий «по казенной надобности», и любознательный историк, собирающий материал

Сообщения Диона свидетельствуют о его незаурядной любознательности, распространявшейся на природные феномены и локальные достопримечательности, а также на сверхъестественные явления и божественные знамения, связанные с той или иной местностью²⁸. Это качество Диона, несомненно, помогало писать исторический труд, насыщая его выразительными подробностями и личностным авторским видением. При этом, черпая важные и просто любопытные сведения

²⁵ См.: Letta 2007.

²⁶ Freyburger-Galland 2004, а также: Murison 1999. P. 188–191.

²⁷ О понятиях персональной и утилитарной географии см.: Bertrand 2016. P. 702 ff.

²⁸ Ср. Марков 2013; Coltelloni-Trannoy 2017.

в разных уголках империи, он не был праздным туристом, но отправлялся в свои путешествия, насколько мы о них осведомлены, преимущественно «по казенной надобности», в связи со ступенями и поворотами своей государственной карьеры.

Путешествия Диона, связанные с карьерой, начинаются, как уже было отмечено выше, еще в юношестве. В Рим из родной Вифинии он мог попасть традиционным путем: морем до Фессалоники, а затем по Эгнациевой дороге через Аполлонию Коринфскую²⁹ в Иллирии, где его поразили чудеса, связанные с рекой Аоем, которые он явно описывает как очевидец, специально интересовавшийся всякого рода диковинами и оракулами³⁰. Как очевидец, хотя и менее детально, рассказывает он – в связи с историей об убийстве братьев Квинтилиев Коммодом – и о святилище Амфилоха в городе Малле, который посетил, когда был в Киликии вместе с отцом, управлявшим этой провинцией (LXXII.7.1–2).

В дальнейшем, когда Дион начал свою сенаторскую карьеру, судя по ряду автобиографических пассажей в повествовании о смуте 190-х гг. и правлении Септимия Севера, его жизнь протекала преимущественно в Риме и в Кампании. Вместе с тем в сохранившемся тексте «Римской истории» нет никаких свидетельств о том, где находился автор в последние годы правления Севера. Так, остается неясным, сопровождал ли он императора во время его похода в Британию в 207–211 гг. Ф. Миллар не исключил такой возможности, но воздержался от утвердительного ответа³¹. Тем не менее в одном из недавних исследований путешествие Диона в Британию в свите императора преподносится как факт без каких бы то ни было дополнительных пояснений³². Каким бы заманчивым ни было такое предположение, сообщения Диона о Британии³³ не могут

²⁹ Важный город в Иллирии при устье р. Аой, колония коринфян и керкирян.

³⁰ «Что... поразило меня в наибольшей степени, – так это тот огромный огонь, который извергается из-под земли около реки Аоя и при этом ни по поверхности окрест нисколько не распространяется, ни то самое место, где пребывает, не воспламеняет и вообще не делает его более сухим, а травы и деревья совсем близко от себя оставляет вполне свежими. Во время проливных дождей он усиливается и вздымается вверх. По этой причине место это называют Нимфайоном, и прорицание совершается здесь следующим образом. Обратившись с вопросом о том, что желаешь узнать, нужно взять ладан и, чтобы донести свою просьбу, бросить его [в огонь]. В ответ, если твоему желанию суждено исполниться, огонь охотно принимает ладан, и даже если тот упадет где-то в стороне, он, устремившись туда, подхватывает его и поглощает; если же желание неисполнимо, то огонь не только не подбирается к нему, но даже в том случае, если ладан попадает прямо в пламя, отклоняется и отходит назад» (XLI.45.1–4).

³¹ Millar 1964. P. 149.

³² Molin 2016. P. 440.

³³ Не стоит, правда, забывать, что соответствующие пассажи в LXXVII(LXXVI) книге дошли в сокращении Ксифилина, византийского эпитоматора XI в., который далеко не всегда дословно и последовательно излагал труд Диона, хотя так же, как

быть однозначно истолкованы как элемент травелога. Приведенное им описание простоты и суровости нравов меатов и каледонцев, выдержанное в духе тацитовской «Германии», вполне соответствует топике репрезентации римлянами северных варваров:

Меаты обитают за той самой стеной, что разделяет остров на две части, а каледонцы дальше за ними; оба [племенн] населяют дикие и бедные водой горы, пустынные и болотистые равнины, не имеют ни стен, ни городов, не возделывают полей, но кормятся благодаря своим стадам, охотничьей добыче и кое-каким диким плодам, ибо рыбы, которая там водится в несметном количестве, они не едят. Живут они в шатрах, не пользуясь ни одеждой, ни обувью, женщинами владеют сообща и всё потомство воспитывают вместе. По большей части имеют они народное правление и весьма охотно занимаются грабительскими набегами; по этой причине они выбирают своими предводителями самых отважных мужей. Сражаются они и на колесницах, используя небольших и быстрых лошадей, и в пешем строю; в беге они чрезвычайно стремительны и очень устойчивы в обороне. Вооружены они щитами и короткими копьями с прикрепленными внизу древка бронзовыми шаровидными погремушками, которые при сотрясении гремят и устрашают неприятелей; имеются у них также и кинжалы. Они умеют переносить и голод, и стужу, и всякого рода тяготы; ведь, погрузившись в болото так, что над водой остается только голова, они проводят так по многу дней, а в лесах питаются корой и корнями и на всякие чрезвычайные обстоятельства готовят особый вид пищи, съедая кусочек которой всего лишь размером с боб, они не испытывают ни голода, ни жажды (LXXVII[LXXVI].12.1–4)³⁴.

Эти сведения (и информацию о том, что Британия – остров, как подтвердила экспедиция Севера, а не полуостров, как считалось ранее)³⁵ Дион мог почерпнуть из литературы и официальных отчетов³⁶. Не исключено также, что часть сведений восходит к сообщениям людей, служивших в Британии и сопровождавших Севера. Таково, вероятно, происхождение и ряда приведенных автором анекдотов, в т.ч. об остроумии жены каледонского вождя Аргентококка, которая, как рассказывали Диону, беседовала с супругой императора Юлией Домной о вольных нравах британских женщин (LXXVII[LXXVI].16.5). Однако, принимая во

римский историк, питал интерес к необычным природным феноменам, географическому и этнографическому материалу (Mallan 2013. P. 635).

³⁴ Геродиан, для которого, видимо, труд Диона был источником, добавляет некоторые детали: использование железа в качестве украшений, разноцветные татуировки с изображением зверей (Herodian. III.14.6–8), но его рассказ в целом менее подробен.

³⁵ В XXXIX.50.3 Дион рассуждает об этой проблеме с перечислением разных точек зрения. Говоря о британском наместничестве Юлия Агриколы, он утверждает, что тот впервые доказал, что Британия является островом (LXVI.20.1–2), а в связи с британским походом Севера называет точные размеры Британии (LXXVII[LXXVI].12.5) и сообщает, что император, дойдя до крайнего предела острова, «самым тщательным образом произвел наблюдения за движением солнца и протяженностью дней и ночей как в летнее, так и в зимнее время» (LXXVII[LXXVI].13.3). Впрочем, в своем этнографическом описании Британии Дион не учитывает данные своих предшественников (Цезаря, Страбона, Тацита). См.: Bertrand 2016. P. 708.

³⁶ Millar 1964. P. 149.

внимание пристрастие Диона к включению в повествование анекдотического материала (весьма разнообразного по содержанию и источникам, включая и личный опыт автора)³⁷, нельзя исключать, что в данном случае он мог узнать эту историю, находясь в окружении императора во время британской экспедиции. Кроме того, изображение британцев в процитированном отрывке по своему характеру вполне сопоставимо с тем экскурсом, который Дион посвящает паннонцам, подчеркивая, что описывает их как очевидцев, на основе собственного опыта, полученного во время наместничества в Верхней Паннонии (см. ниже)³⁸.

Ряд впечатлений, которыми Дион делится с читателями, были получены им во время восточного похода Каракаллы. Путь императора пролегал через Галлию, Германию, Дакию, Фракию. Упоминается и о «небезопасной переправе» через Геллеспонт» и прибытии императора в Пергам (LXXVIII[LXXVII].16.7). Сложно точно определить, на каких из обозначенных этапов похода Дион сопровождал императора; можно уверенно говорить только о том, что Дион находился в окружении Каракаллы зимой 214–215 гг. Повествуя об этом периоде, он рассказывает об утомительных многочасовых, иной раз тщетных ожиданиях сенаторами выхода ведущего разгульную жизнь императора; сообщается и о беседе между императором и Дионом по поводу нескольких строк из Еврипида на пиру по случаю празднования Сатурналий (LXXIX.8.4–5). Возможно, на пути в Никомедию или обратно Дион посетил Византий³⁹. Детальное описание он приводит в повествовании об осаде и взятии города Септимием Севером в 196 г. (LXXV[LXXIV].10.2–6).

Дион сообщает, что, осматривая стены города, разрушенные так, словно были захвачены чужеземцами, он не только видел, как они стоят, но даже слышал, как они «говорят». «Дело в том, – поясняет автор, – что от Фракийских ворот до моря стояли семь башен, и, если кто-то приближался к одной из них, кроме первой, сохранялась тишина; но стоило только крикнуть что-нибудь или бросить камень, башня [не только] отражала звук и “говорила” сама, но и заставляла следующую сделать то же самое, и таким образом звук одинаково передавался через все башни, причем они не прерывали друг друга, но все – одна за другой – подхватывали эхо и передавали звук дальше» (LXXV[LXXIV].14.5–6).

Как видим, Дион склонен не ограничиваться поверхностным наблюдением, но, при возможности, готов лично проверить сообщаемые сведения.

Путешествия Диона с Запада на Восток и обратно на Запад не заканчиваются в 215 г., и, возможно, его византийские наблюдения относятся к иному путешествию, как и возможность увидеть расщелину

³⁷ Schmidt 2000; Махлаюк 2009.

³⁸ В этих свидетельствах, как и в других сообщениях Диона об удивительных достопримечательностях, можно видеть характерный для эпохи Северов интерес к парадоксографии (Bertrand 2016. P. 709. См. также: Марков 2013; Coltelloni-Trannoу 2017).

³⁹ Впрочем, Дион мог побывать в Византии и во время первых поездок из Вифинии и восточных провинций в Рим и обратно.

с ядовитыми испарениями в фригийском Гиераполе⁴⁰, аналогичную той, которую Траян наблюдал в Ктесифоне (LXVIII.27.2–3). Дион проявляет себя как истинный естествоиспытатель, готовый к эксперименту и способный признаться в ограниченности своих знаний:

... Я видел другую подобную расщелину в Гиераполе, что в Азии⁴¹, и проверил ее с помощью птиц, кроме того, я и сам наклонялся над ней и сам видел испарения. Она расположена внутри некой цистерны, и над ней выстроен театр. [Эти испарения] убивают все живое, за исключением людей, которых лишили мужских органов. Постичь причину этого я не в состоянии, но просто рассказываю об увиденном и услышанном так, как я это видел и слышал.

Именно в Азии Дион, как он пишет, узнал о «призраке» (δαίμων) Александра Македонского, который объявился на Дунае и в сопровождении четырехсот вакхантов проследовал через Мёзию и Фракию до Византия, получая по пути поддержку от местных властей и населения. Затем он внезапно исчез, после того как переправился через Боспор, сошел на берег в Халкедонии, совершил священные обряды и похоронил деревянную лошадь (LXXIX.18.1–3). Эта история представлена как загадочное происшествие, случившееся на окраинах империи, и преподносится как эксклюзивный материал, полученный Дионом во время путешествия. Вместе с тем для понимания нарративных функций данного сообщения важен контекст, в котором оно приводится. Ф. Миллар обратил внимание на то, что «Лже-Александр» по сути повторяет путь, проделанный Каракаллой в 214 г., и если так, то этот персонаж оказывается «Лже-Лже-Александром» – он подражает Лже-Александру Каракалле, который в свою очередь имитировал Александра Македонского. Дион мог этим выражать свое саркастическое отношение к такому подражательству. Признавая, что некоторые детали этой удивительной истории могли быть понятны только современникам, отметим, что Дион указывает на взаимосвязь между появлением «призрака» и усыновлением Гелиогабалом его двоюродного брата Алексиана, получившего имя Александр: «Он [Гелиогабал] утверждал, что совершить усыновление ему приказал Элагабал, так же как и назвать приемного сына Александром. Я же в свою очередь убежден, что это действительно произошло благодаря вмешательству какого-то божества, но сужу об этом не по его словам, а по брошенной ему кем-то фразе об Александре из Эмесы, который придет ему на смену, и по событиям в Верхней Мёзии и Фракии» (LXXX[LXXIX].17.3). Очевидно, что ссылка на знамения, предшеству-

⁴⁰ Скорее всего, Дион посетил Гиераполь после исполнения обязанностей куратора в Пергаме и Смирне в 218–219 гг. (Barnes 1984. P. 251). По другим версиям, он мог проходить в Азии квестуру (Millar 1964. P. 15) или побывать в Гиераполе в начале карьеры, когда проходил службу в качестве военного трибуна (Molin 2016. P. 438).

⁴¹ В начале данной главы Дион рассказывает о достопримечательностях Вавилона, которые осматривал Траян во время своего восточного похода, в том числе о расщелине с ядовитыми испарениями, в которых погибали все живые существа.

ющие усыновлению, является в некоторой степени реверансом высокопоставленного сенатора в сторону императора Александра Севера, при котором был написан данный текст. Е. Карлсен даже предположил, что сообщение Диона о помощи и поддержке, которую «призраку» оказывали местные власти, должно было послужить намеком на недовольство попыткой Элагабала остановить процесс усыновления своего кузена, тогда как утверждение Диона, что об этом событии он узнал практически на месте, является «авторской уловкой»⁴². Однако нет каких-либо веских оснований утверждать, что история о «призраке» является исключительно авторским вымыслом, своего рода псевдо-элементом травелога, а не информацией, известной только по слухам и включенной в контекст повествования после некоторой авторской обработки.

С воцарением Александра Севера Дион достигает пика своей карьеры, получая ряд ответственных постов в провинциях. Сначала он направился в провинцию Африка, где либо получил назначение на пост проконсула в 220/221 г. или в 223 г. (XLIX.36.4; LXXX.1.2), либо в ранге *legatus legionis* принял командование III Августовым легионом, дислоцированным в Ламбезисе в Нумидии, которая при Севере стала отдельной провинцией⁴³. Непосредственным знакомством с этой провинцией, вероятно, объясняется предметность и детальность его описания места расположения африканского города Тапса, при котором произошла знаменитая битва Цезаря во время гражданской войны: описание выглядит так, будто сделано человеком, видевшим местность своими глазами⁴⁴:

Тапс расположен на своего рода полуострове, по одну сторону которого простирается море, по другую – озеро. Перешеек между ними столь узкий и болотистый, что до города можно добраться только двумя путями, которые разделены болотом и пролегают на небольшом расстоянии друг от друга вдоль прибрежно-го утеса по обеим сторонам перешейка (XLIII.7.2).

Аналогичным образом можно оценить и другие топографические пассажи, в которые Дион, помимо прочего, включает, подобно Павсанию, исторические сведения об описываемом месте, сопоставляя их с современным положением дел, как, например, в описании города Диррахия, помещенном в рассказ о войне Цезаря и Помпея:

Диррахий расположен на земле, которая раньше считалась принадлежавшей иллирийскому [племени] парфинов, но ныне, как и в то время, относится к Македонии; и он имеет весьма выгодное месторасположение, [и неважно,] был ли он Эпидамном керкирян, или же чьим-то еще городом. Те, кто об этом пишет, связывают и его основание, и название с героем Диррахием; другие же утверждают, что место было переименовано римлянами из-за труднодоступности скалистого

⁴² Carlsen 2016. P. 330.

⁴³ Первое предположение является *communis opinio*; второе высказано Г. Вриндом (Vrind 1923. P. 67, 141–142; ср. Gabba 1955. P. 291, n. 7). О спорах по этому вопросу см.: Sanna 2006–2007 (автор склоняется ко второму мнению).

⁴⁴ Barnes 1984. P. 248; Bertrand 2016. P. 705.

берега⁴⁵, ибо в латинском языке слово “Эпидамн” означает “ущерб”⁴⁶, и поэтому представляется дурным знамением для направляющихся туда (XLI.49.2–3).

В рассказе о месторасположении Акция и действиях Октавиана перед сражением с флотом Антония и Клеопатры Дион не только приводит важные топографические подробности, которые могут указывать на его личное знакомство с местностью, но и критически высказывается о сведениях, дошедших до него в устной передаче, возможно, как раз при посещении этого знакового для римской истории места⁴⁷:

[Октавиан]... расположился там на возвышенности, откуда равным образом открывался вид и на открытое море вплоть до островов Паксос [и Антипаксос], и на внутренние воды Амбракийского залива, а также на воды между ними, где находятся гавани Никополя. Это место он укрепил, возведя валы отсюда и до Комара, гавани на внешней стороне [перешейка]... Я также слышал, что он переправил триеры из внешнего моря в залив под прикрытием укреплений, используя в качестве волока свежесодранные шкуры, смазанные оливковым маслом. Впрочем, мне ничего неизвестно о действиях этих кораблей внутри залива, и поэтому я не могу поверить в это сообщение (τῷ μυθολογίᾳ); действительно, было бы весьма непорочно перетащить на шкурах триеры через столь узкий и неровный участок суши. Ныне Акции является святилищем Аполлона и располагается перед устьем пролива, ведущего в Амбракийский залив напротив гаваней Никополя. Этот пролив тянется на большое расстояние узким руслом одинаковой ширины, и он, как и все воды перед ним, представляет удобное место для того, чтобы встать на якорь и переждать непогоду (L.12.3–7).

Из Африки Дион возвращается в Италию, но вскоре получает новое назначение – пропреторским легатом в Далмацию (224–226), а затем в Верхнюю Паннонию (XLIX.36.4) (226–228) – чрезвычайно редкое назначение для сенатора греческого происхождения⁴⁸. Полученные в Паннонии сведения пригодились ему в рассказе о походе Октавиана против иллирийцев в 35 г. до н.э., хотя до Паннонии тот не дошел⁴⁹. Вставляя в рассказ пространный этногеографический экскурс, Дион подчеркивает, что знает о паннонцах не понаслышке (XLIX.36.4): «Об этом я знаю не по слухам и не из книг, но благодаря собственному опыту (ἀλλὰ καὶ ἔργῳ μάθων), ибо мне довелось ими управлять... вот почему я достоверно пишу об обитателях этого края все то, что наблюдал воочию» (ὅθεν ἀκριβῶς πάντα τὰ κατ’ αὐτοῦς εἰδῶς γράφω). По его словам,

Паннонцы обитают близ Далмации, вдоль самого Истра от Норика до Мёзии, и влчат наиболее жалкое среди всех людей существование (ибо не хватает им ни плодородия земли, ни мягкости климата; пребывая большую часть времени в условиях суровой зимы, они не производят ни вина, ни оливкового масла,

⁴⁵ Дион подразумевает образование названия «Диррахий» из компонентов δυσ- (приставка, усиливающая отрицательный смысл) и ῥαχία («скалистый берег», «прибой»).

⁴⁶ В греческом слове Epidamnus римляне могли усматривать латинское *damnum* – «ущерб, урон, потеря».

⁴⁷ Ср. Bertrand 2016. P. 706 и в особенности Reinhold 1988. P. 102.

⁴⁸ Millar 1964. P. 25–26; Rich 1990. P. 3. См. также: Марков 2017 и Markov 2016.

⁴⁹ Reinhold 1988. P. 70.

разве лишь самую малость и притом скверного качества, ячмень же и просо употребляют и как еду, и как питье), вместе с тем храбрейшими славут среди всех, о ком нам известно, ибо они – самые отважные и самые кровожадные, словно не обладающие ничем, что побуждало бы их вести достойный образ жизни... Название же племени происходит от того, что хитоны с рукавами они изготавливают из кусков материи, именуемых ими «паннами»⁵⁰, своеобразно разрезая и сшивая их по местному обычаю (XLIX.36.2–5).

Кроме того, в следующей главе историк упоминает о слиянии рек Савы и Колопса, указывая, что Колопс в его время окружает весь город, чего не было в 35 г. до н.э. (XLIX.37.3). В данном случае вполне естественным является вывод о том, что те сведения, которые передает Дион, были получены им, когда он находился в Паннонии на посту легата. Однако в описании самих паннонцев, как можно видеть, он явно отдает дань традиционной греко-римской «варварологии»⁵¹, используя характерную топику в противопоставлении варварской дикости, жестокости и воинственности цивилизованному образу жизни. Это обстоятельство лишний раз подтверждает, что в своих «травелогических» заметках Дион отнюдь не был простодушным фиксатором увиденного и услышанного (хотя нередко, подобно Геродоту, заявляет, что передает то, что рассказывают и что он видел или слышал сам⁵²), но приносил в сведения, полученные с помощью автопсии, те знания (и предрассудки!), которые приобрел благодаря своему образованию и жизненному опыту.

Таким образом, труд Диона действительно насыщен элементами травелога. Там, где это возможно, в связи с общим контекстом повествования или даже вне какой бы то ни было явной зависимости от него, автор, как правило, не упускает случая указать на свое личное знакомство с той или иной местностью, чтобы особо подчеркнуть авторитетность своего знания как историка, обладающего серьезным опытом. Прямые ссылки, сделанные *ad hoc* замечания и приводимые автором выразительные подробности обнаруживают его хорошее знакомство как с родной для него Вифинией и прилегающими областями Малой Азии и европейского Босфора, так и с Италией и Римом, ставшими для Диона второй родиной, а также с теми провинциями, в которых он занимал посты в ходе своей сенаторской карьеры (Азия, Африка, Далмация, Верхняя Паннония, а возможно, и Британия). Дион активно использует эти знания в «утилитарно-географических» целях, чтобы придать большую достоверность своему повествованию при описании театров военных действий и отдельных сражений, но в то же время охотно включает

⁵⁰ Это транслитерация латинского слова *pannus*, означающего «кусочек ткани, лоскут» (Burden-Stevens 2015. S. 290).

⁵¹ Bertrand 2016. P. 716 f.

⁵² Ср.: LIV.9.9: ὑράφω τὰ λεγόμενα и Hdt. VII.152: λέγειν τὰ λεγόμενα.

в свой нарратив рассказы об экзотических явлениях, локальных достопримечательностях и обычаях, редкостных природных феноменах и чудесах, чтобы оживить изложение и привлечь внимание читателя. Нередко эти сведения и представления, полученные благодаря собственным путешествиям, преподносятся в форме, близкой к путевым заметкам, образуя «персональную географию» автора, основанную также на книжных знаниях. Все это работает на создание образа нарратора, способного охватить в своем повествовании все пространство Римского мира и в то же время готового критически оценить свидетельства и мнения своих предшественников. Вместе с тем «Римская история» Диона демонстрирует явный интерес к парадоксографии, соответствующий увлечениям северовского времени, обнаруживает непосредственную причастность Диона к геродотовской традиции историописания, с которой его роднит готовность удивляться увиденному и услышанному, пристрастие к авторским отступлениям на самые разнообразные темы, в том числе связанные с собственными странствиями.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аксенова М.В. Травелог: путешествие жанра и жанр путешествий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. 3(31). С. 170–176. [Aksenova M.V. Travelog: puteshestvie zhanra i zhanr puteshestvij // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2018. 3(31). S. 170–176]
- Майга А.А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. Philology and culture. 2014. 3(37). С. 254–259. [Majga A.A. Literaturnyj travelog: specifika zhanra // Filologiya i kul'tura. Philology and culture. 2014. 3(37). S. 254–259]
- Марков К.В. Дион Кассий о паннонах и своей службе в качестве наместника Верхней Паннонии // Балканские тетради. Ежегодник по истории и культурной географии Балкан. Нижний Новгород; Нови Сад, 2017. С. 13–20. [Markov K.V. Dion Kassij o pannoncah i svoej sluzhbe v kachestve namestnika Verhnej Pannonii // Balkanskije tetradi. Ezhegodnik po istorii i kul'turnoj geografii Balkan. Nizhnij Novgorod; Novi Sad, 2017. S. 13–20]
- Марков К.В. К вопросу о хронологии работы Диона Кассия над «Римской историей» // ВДИ. 2008. 2(65). С. 142–152. [Markov K.V. K voprosu o hronologii raboty Diona Kassiya nad «Rimskoj istoriej» // Vestnik drevnej istorii. 2008. 2(65). S. 142–152]
- Марков К.В. «Сверхъестественное» и «чуждое» как категории исторического мышления Диона Кассия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. 6(1). С. 266–270. [Markov K.V. «Sverh"eststvennoe» i «chudestvennoe» kak kategorii istoricheskogo myshleniya Diona Kassiya // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2013. 6(1). S. 266–270]
- Мартынюк Е.Б. К вопросу об истории жанра литературы путешествия («травелог») // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: отечественные традиции и международная практика. Симферополь, 2017. С. 340–346. [Martynjuk E.B. K voprosu ob istorii zhanra literatury puteshestviya («travelog») // Aktual'nye problemy sovremennoj gumanitarnoj nauki: otechestvennyye tradicii i mezhdunarodnaya praktika. Simferopol', 2017. S. 340–346.]
- Мартынюк Е.Б., Лукинова М.Ю. К вопросу об определении термина «травелог» // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Симферополь, 2017. С. 261–266. [Martynjuk E.B., Lukinova M.Yu. K voprosu ob opredelenii termina «travelog» // Perevodcheskij diskurs: mezhdisciplinarnyj podhod. Simferopol', 2017. S. 261–266]
- Махлаюк А.В. Историк «века железа и ржавчины». Кассий Дион и его «Римская история» // Кассий Дион Коккеян. Римская история. Книги LXIV–LXXX / пер. с древнегреч. под ред., комм и ст. А.В. Махлаюка. 2-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2015. С. 372–437. [Mahlayuk A.V. Istorik «veka zheleza i rjavчины»]

- rzhavchini». Kassij Dion i ego «Rimskaya istoriya» // Kassij Dion Kokkejan. Rimskaya istoriya. Knigi LXIV–LXXX / per. s drevnegrech. pod red., komm. i st. A.V. Mahlayuka. 2-e izd. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Nestor-Istoriya, 2015. S. 372–437]
- Махлаюк А.В. Анекдоты в нарративной структуре «Римской истории» Кассия Диона // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире: Материалы науч. конф.. Казань, 2009. С. 117–136. [Makhlaiuk A.V. Anekdoty v narrativnoj strukture «Rimskoj istorii» Kassiya Diona // Politika, ideologiya, istoriopisanie v rimsko-ellinisticheskom mire / Materialy nauchnoj konferencii. Kazan', 2009. S. 117–136]
- Махлаюк А.В., Марков К.В. Дион Кассий Коккеян. «Римская история». Автобиографические фрагменты и свидетельства. Пер. с древнегреч., вст. ст. и комм. // Из истории античного общества. Вып. 11. Н. Новгород, 2008. С. 235–266. [Makhlaiuk A.V., Markov K.V. Dion Kassij Kokkejan. «Rimskaya istoriya». Avtobiograficheskie fragmenty i svidetel'stva // Iz istorii antichnogo obshchestva. Vyp. 11. N. Novgorod, 2008. S. 235–266]
- Милогина Е.Г., Строганов М.В. Русская культура в зеркале путешествий. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. 176 с. [Milyugina E.G., Stroganov M.V. Russkaya kul'tura v zerkale putesthestvij. Tver': Tver. gos. un-t, 2013. 176 s.]
- Никитина Н.А., Тулякова Н.А. Жанр травелога: когнитивная модель // Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. 2013. С. 132–138. [Nikitina N.A., Tulyakova N.A. Zhanr traveloga: kognitivnaya model' // Homo Loquens: Aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov. 2013. S. 132–138]
- Русаков В.М., Русакова О.Ф. Методология дискурса-исследования травелога // Дискурс-Пи. 2014. 4 (17). С. 14–20. [Rusakov V.M., Rusakova O.F. Metodologiya diskurs-issledovaniya traveloga // Diskurs-Pi. 2014. 4 (17). S. 14–20]
- Шпак Г.В. Травелог: поиск универсальной дефиниции. Четыре стратегии репрезентации пространства // Преподаватель XXI. 2016. 3. С. 261–277. [Shpak G.V. Travelog: poisk universal'noj definicii. Chetyre strategii reprezentacii prostranstva // Prepodavatel' XXI. 2016. 3. S. 261–277]
- Aalders G.J.D. Cassius Dio and the Greek World // Mnemosyne. 1986. 39.3/4. P. 282–304.
- Ameling W. Cassius Dio und Bithynien // Epigraphica Anatolica. 1984. 4. S. 123–138.
- Barnes T.D. The composition of Cassius Dio's Roman History // Phoenix. 1984. 38.3. P. 240–255.
- Bering-Staschewski R. Römische Zeitgeschichte bei Cassius Dio. Bochum: Brockmeyer, 1981.
- Bertrand E. L'empire de Cassius Dion: géographie et *imperium Romanum* dans l'Histoire romaine // Cassius Dion: nouvelles lectures / Éd. V.E. Fromentin et al. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2016. P.701–724.
- Burden-Strevens C. 'Ein völlig romanisierter Mann'? Identity, Identification, and Integration in the "Roman History" of Cassius Dio and in Arrian // Processes of Cultural Change and Integration in the Roman World. Leiden – Boston: Brill, 2015. S. 287–306.
- Carlsen J. Alexander the Great in Cassius Dio // Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician / Ed. C.H. Lange, J.M. Madsen. Leiden: Brill, 2016. P. 316–332.
- Cassius Dion: nouvelles lectures (2 vols.) / Ed. V.E. Fromentin et al. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2016. 881 p.
- Coltelli-Tranoy M. La place du thauma dans l'Histoire romaine de Cassius Dion // Ktèma. 2017. 42. P. 219–232.
- De Blois L. The Perception of Emperor and Empire in Cassius Dio's Roman History // Ancient Society. 1999. 29. P. 267–281.
- Foulon É. Polybe source de Cassius Dion? Bilan d'une aporie // Cassius Dion: nouvelles lectures / Ed. V.E. Fromentin et al. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2016. P. 159–177.
- Freyburger-Galland M.-L. L'Italie vue par un Bithynien du IIIe siècle // Folia Electronica Classica. 2003. Numéro 6, juillet-décembre (<http://bcs.fltr.ucl.ac.be/FE/06/Italie.html>).
- Freyburger-Galland M.-L. Les phénomènes volcaniques chez Dion Cassius // Connaissance et représentation des volcans dans l'Antiquité. Actes du colloque (Clermont-Ferrand, 19–20 septembre 2002) / Ed. É. Foulon. Clermont-Ferrand, 2004. P. 139–157.
- Freyburger-Galland M.-L. Dion Cassius, un Gréco-romain du IIe siècle // Dialogues d'histoire ancienne. Supplément 9, 2013. Le point de vue de l'autre. Relations culturelles et diplomatiques. 1ère rencontres SoPHiA (23–24 mars 2012, Mulhouse). P. 77–90.

- Freyburger-Galland M.-L. Histoire et autobiographie dans l'oeuvre de Dion Cassius // *Interférences* [Online] 2009. 5. URL: <http://journals.openedition.org/interferences/907>.
- Gabba E. Sulla "Storia romana" di Cassio Dione // *Rivista Storica Italiana*. 1955. 67. P. 289–333.
- Gowing A.M. Cassius Dio and the City of Rome // *Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician* / Ed. C.H. Lange, J.M. Madsen. Leiden–Boston: Brill, 2016. P. 117–135.
- Guinea Diaz P. Nicea. Estudio de una ciudad en la Bitinia romana. Huelva: Servicio de Publicaciones de la Universidad de Huelva, 1997. 409 p.
- Hidber T. Cassius Dio // *Narrators, Narratees, and Narratives in Ancient Greek Literature* / Ed. I. de Jong, R. Nünlist, A. Bowie. Leiden–Boston: Brill, 2004. P. 187–199.
- Hose M. Cassius Dio: A Senator and Historian in the Age of Anxiety // *A Companion to Greek and Roman Historiography* / Ed. J. Marincola. Malden; Oxford: Blackwell., 2007. P. 461–467.
- Hose M. Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart–Leipzig: B.G. Teubner, 1994. xii, 522 S.
- Kemezis A.M. Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2014. xii, 340 p.
- Letta C. L'eruzione del Vesuvio del 202 d. C. e la composizione dell'opera di Cassio Dione // *Athenaeum*. 2007. 97. P. 41–47.
- Makhlauk, A.V. Review of Valérie Fromentin, Estelle Bertrand, Michèle Coltelloni-Tranroy, Michel Molin, Gianpaolo Urso (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures*. Bordeaux: Ausonius, 2016 // *Bryn Mawr Classical Review*. (<http://bmcr.brynmawr.edu/2017/2017-12-15.html>).
- Mallan, C.T. The Style, Method, and Programme of Xiphilinus' *Epitome* of Cassius Dio's *Roman History* // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 2013. 53. P. 610–644.
- Manuwald B. Cassius Dio und Augustus: philologische Untersuchungen zu den Büchern 45–56 des dionischen Geschichtswerkes. Wiesbaden: Steiner, 1979. 317 S.
- Marincola J. Authority and Tradition in Ancient Historiography. Cambridge: CUP, 1997.
- Markov K.V. Towards Peculiarities of Cassius Dio's Career in 220s // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2016. 3. P. 57–62.
- Millar F.G.B. A Study of Cassius Dio. Oxford: Clarendon Press, 1964. xiv, 239 p.
- Molin M. Biographie de l'historien Cassius Dion // *Cassius Dion: nouvelles lectures* / Ed. V.E. Fromentin et al. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2016. P. 431–446.
- Murison Ch.L. Rebellion and Reconstruction: Galba to Domitian, a Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History Books 64–67 (A.D. 68–96). Atlanta: Scholars Press, 1999. xxi, 291 p.
- Pelling C.B.R. Biographical History? Cassius Dio on the Early Principate // *Portraits: Biographical Representation in the Greek and Latin Literature of the Roman Empire* / Ed. M.J. Edwards, S. Swain. Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 117–144.
- Pitcher L.V. Cassius Dio // *Space in Ancient Greek Literature: Studies in Ancient Greek Narrative*. Vol. 3 / Ed. I.J.F. de Jong. Leiden–Boston: Brill, 2012. P. 257–268.
- Reinhold M. From Republic to Principate: An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History, Books 49–52 (36–29 BC). Atlanta: Scholars Press, 1988. xxii, 261 p.
- Rich J.W. Cassius Dio, The Augustan Settlement (Roman History 53–55.9). Warminster: Aris and Phillips, 1990. xii, 260 p.
- Sanna A. La ἐν τῇ Ἀφρικῇ ἡγεμονία τῆ τε Δελματίας: nota sulla natura degli officia di Cassio Dione (XLIX 36, 4) // *Sandalion*. Quaderni di cultura classica, Cristiana e medieval. 2006–2007. 29–30. P. 60–76.
- Schmidt M.G. Die "zeitgeschichtlichen" Büchern im Werk des Cassius Dio von Commodus zu Severus Alexander // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* / Hg. H. Temporini, W. Haase. II.34.3. Berlin–New York: de Gruyter, 1997. S. 2591–2649.
- Schmidt M.G. Politische und persönliche Motivation in Dios Zeitgeschichte // *Geschichtsschreibung und politischer Wandel im 3. Jh. n. Chr. Kolloquium zu Ehren von Karl-Ernst Petzold* (Juni 1998) anlässlich seines 80. Geburtstags. Stuttgart: Steiner, 1999. S. 93–117.
- Schmidt M.G. Anekdotisches in Cassius Dios Zeitgeschichte // *Museum Helveticum*. 2000. 57.1. S. 20–35.
- Scott A. Cassius Dio's Contemporary History as Memoir and its Implications for Authorial Identity // *Ancient Biography: Identity through Lives* / Ed. F. Cairns, T. Luke. Prenton: Francis Cairns, 2018. P. 229–248.

Махлаюк Александр Валентинович доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и классических языков, Институт международных отношений и мировой истории ННГУ, *makhl@imomi.unn.ru*

Марков Константин Владимирович кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории древнего мира и классических языков, Институт международных отношений и мировой истории ННГУ, *mkv_2003@mail.ru*

Travelogue elements in the narrative structure of Cassius Dio's *Roman History*

The article deals with those autobiographical authorial interventions and ethnogeographic excursions that can be characterized as "personal geography" of the historian or a kind of travelogue – notes, descriptions and information obtained via personal visits to certain places and regions. The relevant passages of "Roman history" have not yet become a subject of special analysis as a significant feature of Dion's narrative style, along with his passion for all sorts of miracles, anecdotes and deviations of a novelistic nature. The material under consideration suggests that, where possible, in connection with the General context of the narrative, or even beyond any dependence on it, Dio usually does not miss the opportunity not just to point out his familiarity with a particular area, but also to emphasize the authority of his knowledge based on personal experience.

Keywords: Cassius Dio, Roman History, Greek and Roman Historiography, narrative, travelogue, space of empire, autopsy

Alexander V. Makhlaiuk, Dr. Sc. (History), Professor, Chair of Ancient History and Classical Languages, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, *makhl@imomi.unn.ru*

Konstantin V. Markov, Associate Professor, Department of Ancient History and Classical Languages, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, *mkv_2003@mail.ru*